

А.А. Куприянова
A.A. Kupriyanova

**МОТИВ РАЗГОВОРА МЕРТВОГО ПРАВИТЕЛЯ С ЖИВЫМ
ПОТОМКОМ В РОМАНЕ «СЕДЬМАЯ СТРАЖА»
П.Л. ПРОСКУРИНА**

**THE MOTIF OF A DEAD RULER'S CONVERSATION WITH A LIVING
DESCENDANT IN THE NOVEL "THE SEVENTH WATCH"
BY P.L. PROSKURIN**

В статье анализируется эпизод, генетически восходящий к «разговору в царстве мертвых» из романа П.Л. Проскурина «Седьмая стража», в котором профессор-историк Вадим Одинцов вступает в полемику с Петром I. Этот фантастическая ситуация рассматривается как современная вариация архаичного жанра и как художественная историсофская модель писателя, воссоздающая столкновение живого потомка с мертвым монархом. Особое внимание уделяется тому, как через спор Петра и Одинцова переосмысливается европейское преобразование России, формируется оценка личности Петра и его воздействие на историческую судьбу страны. Показано, что Проскурин вписывает образ Петра в широкий историко-культурный контекст, одновременно перепроверя устойчивый миф о «великом преобразователе» России, актуализация которого была обусловлена начавшейся перестройкой и разрушением советской государственности.

Ключевые слова: писатель-государственник, П. Проскурин, мотив, разговор мертвого монарха с живым потомком, образ Петра Великого.

The article analyzes an episode that is genetically related to the "conversation in the realm of the dead" from P.L. Proskurin's novel "The Seventh Watch", in which the historian professor Vadim Odintsov engages in a debate with Peter the Great. This fantastical situation is examined as a modern variation of an archaic genre and as the writer's artistic historiosophical model, which recreates the encounter between a living descendant and a deceased monarch. Special attention is paid to how the European transformation of Russia is reinterpreted through the dispute between Peter and Odintsov, and how Peter's personality and his impact on the country's historical fate are evaluated. It is shown that Proskurin places Peter's image within a broader historical and cultural context, while simultaneously challenging the persistent myth of Russia's "great reformer", which was its actualization was caused by the beginning of perestroika and the destruction of Soviet statehood.

Key words: the statesman-writer P. Proskurin, the motif, the conversation between a dead monarch and a living descendant, the image of Peter the Great.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-70-76

Мотив разговора в царстве мертвых имеет давнюю традицию – от античных диалогов Лукиана до «Разговоров в царстве мертвых» Фенелона и многочисленных последующих вариаций. В них прошлое вызывается к ответу перед судом потомков, а умерший монарх вынужден объяснять свои решения и ответственность перед историей. Е.А. Михайлова в статье «Петр I и Петровская эпоха в "Разговорах в царстве мертвых"» анализирует цикл диалогов в журнале под названием «Разговоры в царстве мертвых» Д. Фассмана, выходивший в Лейпциге с 1718 по 1740 годы, где среди персонажей – Иван Грозный и Петр I (entre vues № 83–86) [5]. Через их беседу европейскому читателю предлагалось сопоставить «старую» и «новую» Россию, воплощенные в фигурах Ивана и Петра. В отдельном фассмановском тексте с участием Петра – «Разговор в царстве мертвых замечательного русского царя Петра Великого и ужасного тирана Ивана Васильевича II (Ивана Грозного)» (1725) уже в самом названии дается сопоставительная оценка царей. В русских рукописях XVIII века образ Петра I как главного героя «Разговоров» впервые появляется не в переводе, а в оригинальном произведении, автором которого считается Петр Никифорович Крекшин. Текст известен под названием «Разговор в царстве мертвых Императора Петра Великого с российским царем Иоанном Васильевичем, и с Карлом вторым на десять королем шведским, и с израильским царем Соломоном, и с греческим царем Александром» (позже опубликованное под названием «Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... Представленное разговорами в царстве мертвых...» (СПб., 1788)). В европейских текстах Фассмана через их сравнение в Европе осмысливался образ России: Петр – символ новой, европейски ориентированной державы, а Иван – олицетворение «старой» России (интерес был сосредоточен на политическом значении Петра, его роли в превращении России в великую державу и изменении карты Европы (исход Северной войны, рост влияния Российской империи)). Русский оригинальный «Разговор...» Крекшина носил панегирический характер, являясь литературной похвалой императору: Петр – великий реформатор и победоносный полководец; его дела «славные» и «достопамятные»; признание его царями других веков и народов подчеркивают наднациональный и надвременной статус властелина России. Образ русского императора создавался через «авторитет» загробного мира, где уже умершие монархи оценивали его правление, усиливая итоговое, «судебное» значение оценки. Таким образом, Е.А. Михайлова итожит следующие проблемы в «Разговорах в царстве мертвых»: сопоставление «старой» и «новой» России (диалог Ивана грозного и Петра I у Фассмана и в русском тексте актуализировал вопрос, какой должна быть власть: жестокий, изоляционистский деспотизм (Иван) или активный реформаторский абсолютизм, открывающийся Европе (Петр)); цена и результат реформ (через рассказ о войнах, строительстве флота, победах в Северной войне, путешествиях по Европе задается вопрос: оправданы ли радикальные преобразования, если они приводят к изменению статуса страны и включению ее в европейскую цивилизацию); историческая память и посмертная слава правителя (разговоры в потустороннем мире превращаются в суд истории: уже умершие монархи оценивают, кто из них действительно «великий»). Появление Соломона и Александра подчеркивает связь Петра с идеей мудрости и воинской славы); место России в европейской политической системе (в текстах Фассмана обсуждаются последствия Северной войны, смена лидера в Балтийском регионе (со Швеции на Россию) и роль Петра как центральной фигуры этого процесса) [5].

В современной науке реформы Петра I традиционно описывают как модернизацию государства: строительство флота, создание регулярной армии, бюрократии, новой столицы. Однако тартуско-московская школа (Ю. Лотман, Б. Успенский), а также исследования В. Живова позволяют оценить петровскую эпоху прежде всего через смену знаковых систем, то есть глубинную перестройку языка, символики и ритуалов власти [4; 8; 2]. Преобразования Петра идентифицированы исследователями как текст, написанный на разных «языках» – от церемониала и архитектуры до реформированного литературного языка. Понимание этих процессов в категориях семиотики позволяет говорить о властном

дискурсе Петра I как о целостной системе знаков, через которую государь определяет границы «своего» и «чужого», легитимирует новые порядки и конструирует образ собственной власти. Подход Ю. Лотмана, Б. Успенского и В. Живова трактует петровскую политику как грандиозный эксперимент по перекодировке власти. Успенский показывает, как традиционная сакральная модель царской власти трансформируется, но не исчезает: сакральность переносится на государственную службу, а титулы и церемонии приобретают новые значения [8]. Лотман и Успенский анализируют пространственную и символическую перестройку: Петербург как новый Рим, новая гербовая и градостроительная символика, переосмысление доктрины «Москва – третий Рим» в духе имперской государственности [4; 8]. Живов демонстрирует, как языковая реформа становится ключевым механизмом конструирования имперского дискурса: гражданский язык, заимствования, кодификация норм создают новую знаковую среду, в которой говорит и действует власть [2].

Проскурин воспроизводит мотив разговора в царстве мертвых, но переносит его в советскую культурно-историческую ситуацию. В романе профессор Одинцов обладает «особенностью научного характера»: в «затруднении перед какой-либо загадкой прошлого» он может «как бы вызвать в свидетели то или иное необходимое ему лицо, давно уже пребывающее в ином мире, и не только заинтересованно побеседовать с ним о нужном предмете или повороте истории, но, при случае, и поспорить» [7, 223]. Герой обозначает возможность своего сознания как «ущербинка», «странное обстоятельство» [7, 223]. Автор создает особый хронотоп – пограничное пространство между жизнью и смертью, особую «квантовую реальность», совершенно отличающуюся от условных рациональных приемов исторической науки и неомифотворчества памяти. В этот раз собеседником профессора Одинцова оказывается Петр Великий. Появление первого императора в мире СССР совершенно меняет реальность: лето «перескочило» в зиму (это замечают и люди на улице: «падал снег – дети... ловили в ладошки... ослепительно белые... звездочки») [7, 224]. И вот по «современной Москве» идет «своей стремительной походкой император Петр Великий, топорща усы, выпятив подбородок и уверенно втыкая в окружающее месиво толстую темную палку, разбрызгивая целые кварталы и человеческие муравейники, стряхивая их с палки, словно грязь или воду. Видимо, он так и не смог полюбить однажды и навсегда тайно возненавидимый им город; сердито расталкивая дома и переулки, он давил целые толпы, автобусы под его могучими необъятными ступнями мгновенно сплющивались» [7, 224]. Описание появления Петра Великого в столице антонимично картине «Большевик» Б. Кустодиева, хотя литературное произведение и живописное полотно объединены общим символическим приемом – образом гиганта, шагающего через пространство города, воплощающего идею исторической силы, преобразующей действительность. Однако при внешнем сходстве художественных решений – фигура колоссального человека, город под его ногами, динамика движения – смысловые акценты у двух авторов противоположны. У Кустодиева фигура Большевика – это символ новой народной энергии, олицетворение революции как могучего шага вперед. Его гигантская фигура олицетворяет собой народные массы, знаменуя обновление и веру в грядущее. Внизу под его ногами – красные знамена, улицы, рабочие, солдаты, крестьяне: художник показывает возвышение простого человека до уровня исторического титана. Колоссальность фигуры выражает не агрессию, а созидательный пафос – это эпос рождения новой эпохи. Проскурин же создает антипод этого образа. Его Петр не вдохновенный строитель, а яростный разрушитель, чуждый городу и людям. Здесь гигантизм превращается в гротеск, а энергия – в разрушительную стихию. Если у Кустодиева гигант – народ, то у Проскурина гигант – власть, насильственно преобразующая пространство, не понимающая духовной природы города и народа. Петр не вдохновляет, а подавляет; его шаги вызывают ужас и хаос. Таким образом, «Большевик» Кустодиева воплощает романтический образ коллективного героя, несущего возрождение, тогда как Петр-великан у Проскурина – символ исторического насилия, разрыва между властью и народом,

между созиданием и разрушением. Оба автора используют масштаб и движение как прием метафорического осмысления эпохи, акцентирующего размышления о цене исторического прогресса: Кустодиев в духе нарождающегося социалистического реализма начала 1920-х годов, Проскурин в духе трагического реализма XX века.

Разговор мертвого монарха с живым современником-историком начинается с объяснения профессором Одинцовым причины вызова Петра Великого: «Все просто, вопрос передо мною выскочил, а ты, государь, в самом корне этого вопроса. Я твой последователь и союзник, – как ты и предугадал, кончился русский народ. Надо ему, для его же спасения раствориться в разных других породах да племенах окончательно. Страшно мне становится от такой мысли, да делать нечего, ты, как первый пророк этого дела, укрепи в душевном ознобе ученика своего» [7, 228]. За заданный вопрос первый русский император именует героя «лютым злодеем» и отправляет его на дыбу. Подвал с «затейливыми сводами», «без единого окошечка», куда стаскивают палачи Одинцова, – это хронотоп «нижнего мира», в котором живой ученый оказывается в положении подсудимого перед судом мертвых властителей. Композиция эпизода отсылает к традиции «царства мертвых», где выносятся приговор не только человеку, но и его историческим взглядам. Проскурин свободно обращается с «каноническим» образом монарха, художественно «оживляя» его для диалога и полемики.

Эпизод построен как череда нарастающих кругов давления и сопротивления. Сначала Петр появляется буднично, с трубкой, в сопровождении Ромодановского и палачей; однако писатель выстраивает фантастический характер видения: в подвале слышен голос, который как будто «рождается в вековой толще» «сводов», а сам император кажется «фантомом без плоти и голоса» [7, 226]. Разговор разворачивается вокруг вопроса: кто имеет право судить историю и Петра лично – ученый-потомок или сам монарх, оправдывающийся перед судьбой России. Одинцов представляет себя как носителя научной истины: он – «доктор, профессор, лауреат, академик», человек советской академической системы. Его авторитет основан на институтах науки и идеологической вертикали (упоминание консультаций с высшими партийными функционерами). Петр же апеллирует к иному основанию: «Я паче всего другого – царь... Надо мной один суд – судьба России», – в этой фразе концентрируется монархическое, сакральное понимание власти, выведенной за пределы человеческого суда [7, 236]. Диалог движется от вопроса к пытке и снова к вопросу. Физическое насилие (кнул, дыба, крюк под ребро) обнажает истинную природу петровской системы – государство, которое добивается «правды» через боль и ломку человеческого тела. Но пытка не ломает внутреннего сопротивления Одинцова: даже после страшных мучений он продолжает называть Петра деспотом и палачом и, в конце концов, обвиняет его в том, что именно он – источник «русской гибели» [7, 241]. Кульминацией становится момент, когда профессор произносит ключевую мысль: «И царь – человек, и раб – человек, у каждого своя мера, вот только конец – один» [7, 241]. В этом утверждении разрушается петровская вертикаль царь – сверхчеловек, народ – масса. Историк пытается поставить на одной плоскости судьбу монарха и судьбу «раба», утверждая равную ответственность и смертность обеих фигур. В ответ Петр разъяренно вспыскивает, а пространство подвала окончательно превращается в inferнальное «царство зверей и волков», где монарх уже не столько государь, сколько олицетворенная «древняя тоска по живой крови» [7, 250].

Таким образом, эпизод «разговора в царстве мертвых» у Проскурина – это не просто фантастическая сцена, а моделирование столкновения двух типов исторического сознания: постсоветской, травматической рефлексии и архаического самосознания самодержца. Для Петра в романе концепция европейского преобразования России – главный аргумент самозащиты: он напоминает, что через всю Европу гнал Карла, рубил головы стрельцам, вешал воевод за взятки и видел в этом служение государству. Его жестокость оправдывается масштабом реформ: ради «великого дела» можно пожертвовать тысячами. С такой позиции Петра описывали просветители и последующая традиция: варварский,

но гениальный реформатор, «создатель современной России» и «отец Отечества». Через интерпретации Маркса, Ленина и сталинский период формировалась двойственная картина: Петр – и творец новой государственной политики, и носитель «монгольского искусства рабства», усиливший империю за счет крепостного крестьянства. Во многом в русле этой концепции выдержан и роман «Вечера с Петром Великим» Д. Гранина. Проскурин встроен в эту амбивалентную традицию, но радикально заостряет ее антиномичность. Одинцов прямо говорит Петру, что казнь царевича Алексея «подрубила Русскую державу», а европейские преобразования обернулись в будущем «распадом» и кровавыми потрясениями, за которые нынешняя Россия расплачивается «лютой бедой» [7, 241].

Парадокс в том, что текстуально профессор говорит из позднесоветского времени, но его оценка выводит цепочку до XX века, где революция и репрессии становятся, по сути, «карой истории» за петровскую модернизацию. Поколениями формировался массовый образ Петра – героический, величественный, но одновременно страшный. У Проскурина этот образ как бы выворачивается наизнанку: вместо мифического «медного всадника» мы видим усталого, но все еще страшного волка-государя, который не отпускает Россию даже после смерти.

Один из ключевых в разговоре мертвого монарха и живого потомка – спор о судьбе русского народа. Одинцов, находясь в состоянии отчаяния, произносит страшную формулу: «кончился русский народ», для его спасения надо «раствориться в разных других породах да племенах окончательно» [7, 228]. Парадоксально, но историк, который должен быть хранителем памяти, предлагает фактическое самоотрицание нации как выход из исторического тупика. Петр реагирует на это с яростью: он обвиняет профессора в том, что тот «поганит» «многославное чело народа русского» своими «многописаниями» [7, 227]. Для него Россия будет существовать «до скончания земли», а он сам – неразрывно с ней связан, даже после смерти: «я и после смерти – Петр, и делаю историю!» [7, 235]. В этом конфликте отражены, с одной стороны, советские дискуссии о «монархическом сознании» и «любви к сильной руке», о возможной реставрации монархии, о которых пишет С.В. Зеленин, анализируя современную переоценку советского прошлого и фигуры Петра [3]. С другой, просматривается логика медиапамяти, описанная Д.С. Артамоновым: общество постоянно производит новые версии прошлого, соединяя клише, мифы и современные сюжеты. Д.С. Артамонов показывает, как в фанфикшн-культуре Петр I часто помещается в современность – он изучает технику будущего, ведет себя то как суровый самодержец, то как демократичный «работник», близкий к народу [1]. Подобный прием «попадания» исторического персонажа в другое время служит способом испытать его миф на прочность и соотнести с сегодняшними ценностями. У Проскурина то Петр попадает в наше время, то историк как бы проваливается в петровскую эпоху, но смысл тот же: это эксперимент с памятью, проверка, выдержит ли фигура монарха диалог с живым потомком.

Важно, что ни одна из сторон в этом споре не оказывается окончательно правой. Одинцов, обвиняя Петра в начале «русской гибели», сам демонстрирует разрушительное отчаяние и готовность отказаться от собственного народа. Петр, утверждая, что судить его может только судьба России, фактически снимает с себя личную ответственность и прикрывается абстрактным «государственным интересом». Их спор не разрешается; финальная сцена с волками, в которых сливаются и звериная власть, и страх историка, показывает, что Петр и Россия остаются связаны узлом, который ни живые, ни мертвые разрубить не могут.

В романе «Число зверя» П. Проскурин вводит образ Петра Великого в контекст историософской метафизики власти. Писатель моделирует миф о священном роднике у истока Волги и о живой воде, которой в Семин день тайно вкушают русские правители, чтобы обрести силу и ответственность за землю. В устах странников в романе «Число зверя» звучит предание: великие князья и цари – Александр Невский, Дмитрий Донской,

Иван Грозный, Алексей Михайлович – будто бы побывали здесь и «исполнили закон» родника, приняв на себя тяжкую ношу любви к Русской земле. Петр I в этот ряд сознательно не включается: подчеркивается, что он «здесь не бывал, и после него никого не было – боялся присохнуть к Русской земле, живот за нее положить» [6, 25]. Так создается мифопоэтическая шкала правителей: те, кто пришел к роднику и испил живой воды, оказываются органически сопряжены с землей и народом; те, кто обошел его стороной, – «супостаты», чуждые внутренней духовной силе России. В этот второй ряд Проскурин включает не только Петра, но и Ленина, Сталина, Хрущёва, показывая, что разрыв с родником – это разрыв не только с традицией, но и с «космическим законом» жизни. Живая вода символизирует не абстрактную «национальную идею», а конкретную, кровно-телесную связь с землей, которая влечет за собой и жертвенность, и обречение на нескончаемую борьбу.

Миф о роднике соединяется у Проскурина с мотивом пророческих знамений-предостережений. Повествователь приводит легенду о явлении кровавого лика ребенка над истоком Волги перед сыноубийством Ивана Грозного, затем перед казнью царевича Алексея по воле Петра, позже – перед революцией 1917 года, страшными годами 1937-го, войной и смертью Сталина. Это не просто «страшные истории»: в художественной форме фиксируется сверхисторический суд над властью, которая раз за разом изменяет своему предназначению. Родник становится точкой, где история пересекается с «космосом»: воды Волги несут в Каспий «кровь и пот» России, но при этом на истоке реки снова и снова возникает знак страдания ребенка как символ исковерканного будущего.

Эпизод «разговора в царстве мертвых» в романе В.Ф. Проскурина «Седьмая стража» – современная художественная вариация архаического жанра диалогов мертвых, в котором с остротой поставлены вопросы о цене модернизации, границах исторической ответственности и судьбе русского народа. Используя прием фантастического «вызывания» Петра I, писатель помещает своего героя-историка в пространство медиапамяти (в трактовке К. Китч), где образы прошлого свободно комбинируются и переопределяются [9]. Здесь пересекаются разные пласты культурной памяти: просветительский миф о великом реформаторе, советская двойственная оценка Петра как прогрессивного, но жестокого самодержца и современные тенденции мифологизации, описанные Д.С. Артамоновым в анализе фанфикшн-культуры [1]. Проскурин не дает готового ответа, «кем был Петр – спасителем или губителем России». Напротив, он показывает, что разговор живого потомка с мертвым монархом неизбежно превращается в разговор о сегодняшнем состоянии страны: об усталости народа, о страхе перед будущим, о соблазне отказаться от собственной исторической идентичности. Европейское преобразование Петра оказывается в этом контексте не только величественным проектом модернизации, но и источником долговременной травмы, с которой позднейшие поколения – в том числе советские и постсоветские – продолжают спорить. Тем самым эпизод «разговора в царстве мертвых» в «Седьмой страже» демонстрирует, как литература способна включаться в процессы медиапамяти: она не просто воспроизводит миф о Петре Великом, но активно его переписывает, ставя рядом голос монарха и голос историка-потомка и превращая их спор в форму размышления о судьбе России.

1. Артамонов Д.С. Медиапамять в культуре фанфикшн: образ Петра I в сетевой литературе // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 26–33.
2. Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Языки культуры и проблемы переводимости*. М., 1987. С. 47–148.
3. Зеленин С.В. Представления об образе Петра Великого в советское время // *Тетради по консерватизму*. 2022. № 3. С. 307–322.
4. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого. (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. Статьи*

по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. С. 201–213.

5. Михайлова Е.А. Петр I и Петровская эпоха в «Разговорах в царстве мертвых» (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 1. С. 224–243.

6. Проскурин П. Число зверя, М., 1999.

7. Проскурин П. Седьмая стража. Орел, 2018.

8. Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

9. Kitch C. Pages from the Past: History and Memory in American Magazines. Chapel Hill, 2005.

Информация об авторе

Алина Александровна Куприянова,
Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия).
241036, Россия, Брянская область,
Брянск, ул. Бежицкая, 14.
Соискатель кафедры русской, зарубежной
литературы и массовых коммуникаций.
Научные интересы: поэтика текста, мотивика,
национальные литературы.
ORCID ID: 0009-0009-9027-3814
SPIN-код: 6984-1930, AuthorID: 1328589
E-mail: kuperalin@yandex.ru

Information about the author

Alina A. Kupriyanova,
Petrovsky Bryansk State University
(Bryansk, Russia).
241036, Russia, Bryansk region, Bryansk,
Bezhitskaya Str., 14.
Postgraduate student of the Department
of Russian, Foreign Literature and Mass
Communication.
Research interests: poetics of text, motifs of text,
national literature.
ORCID ID: 0009-0009-9027-3814
SPIN-code: 6984-1930, AuthorID: 1328589
E-mail: kuperalin@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.12.2025;
одобрена после рецензирования 15.01.2026;
принята к публикации 15.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

The article was submitted 14.12.2025;
approved after reviewing 15.01.2026;
accepted for publication 15.01.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Куприянова, А.А. Мотив разговора мертвого правителя с живым потомком в романе «Седьмая стража» П.Л. Проскурина // Philologos. 2026. № 1 (68). С. 70–76. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-70-76.

For citation: Kupriyanova, A.A. The motif of a dead ruler's conversation with a living descendant in the novel "The seventh watch" by P.L. Proskurin // Philologos. 2026. No. 1 (68). Pp. 70–76. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-70-76.

Права: © А.А. Куприянова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).